

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 – 1905 ГГ.

©2008 Е.В.Стёпочкина

Самарский государственный экономический университет

В статье рассматривается деятельность провинциальных общественных организаций во время Русско-японской войны, показана их помощь больным и раненым воинам, участие в сборе средств на нужды армии и флота.

С началом Русско-японской войны в провинции появилось множество различных организаций, созданных для оказания помощи армии и флоту. Наиболее распространенными явились организации медицинского обслуживания раненых и больных воинов на театре военных действий. Они сразу же столкнулись с большими трудностями, поскольку медицинская служба, как и вся страна, не была готова к войне. Существенным подспорьем в организации медицинского обслуживания российских воинов на Дальнем Востоке стало то, что различные корпорации, товарищества, общества, комитеты, земства перечисляли средства для формирования лазаретов и госпиталей.

Так, Самарская городская управа выделила 25 000 руб. [1], Саратовская – 10 000 руб. [2]. Самарское губернское земское собрание ассигновало в распоряжение Красного Креста 25000 руб. [3], Казанское – 100 000 руб. [4], Саратовское – 15 000 руб. [5]. Казанское купеческое общество пожертвовало 3 000 руб., из которых 1 500 руб. – на усиление русского флота, а 1 500 руб. – на облегчение участи раненых и больных воинов. Кроме того, открыли добровольную подписку, давшую 7 010 руб., из которых на облегчение участи раненых и больных воинов было отправлено в Красный Крест 2 010 руб. [6]. Кроме того, деньги жертвовали и частные организации, некоторые из них ежемесячно отчисляли в Красный Крест определенный процент с заработной платы. Например, вспомогательное общество приказчиков Казани 23 марта 1904 г. отправило в Красный Крест 87 руб. 76 коп. [7], а Самарское общество взаимного кредита, Казанское полицейское управление каждый месяц перечисляли 150 рублей [8].

Таким образом, в начальный период Русско-японской войны Российское общество

Красного Креста стало объединителем и руководителем всех общественных организаций, стремившихся принять деятельное участие в вопросе помощи больным и раненым воинам.

Цели и задачи Красного Креста заключались в подготовке мест для лечения больных и раненых до полного их выздоровления, в размещении в зависимости от состояния их здоровья и потребности в лечебной помощи. При этом размещение, содержание и уход за ними обязан был быть совершенно бесплатным и не должен вызывать никаких расходов и доплат для военного ведомства [9]. Однако, несмотря на усилия Красного Креста, средств на оказание бесплатной медицинской помощи не хватало, поэтому приняли решение, допускавшее амбулаторное лечение нижних чинов и их семейств в больницах общественного призрения с платой от военного ведомства. Принятые меры оказались недостаточными, так как больницы часто отказывались от лечения раненых воинов. Поэтому в Военном министерстве возникло предложение установить обязательный амбулаторный прием воинских чинов в гражданских больницах. При этом Военное министерство полагало вполне целесообразным "для простоты и однообразия применить при амбулаторном лечении воинских чинов, установленный в военно-врачебных заведениях способ расчета..., а именно по 3 коп. в сутки с каждого больного" [10]. С подобной платой согласились больницы во многих губерниях, а в Симбирской сочли возможным установить бесплатное амбулаторное лечение больных и раненых нижних чинов вплоть до окончания войны" [11].

Во избежание скученности больных Главное управление по делам местного хозяйства МВД предполагало расселять их по обывателям за особое вознаграждение от казны. Помещение, продовольствие, постельное белье и

его стирку должны были обеспечить обыватели. При этом, Министерство считало, что согласия обывателей не требуется, так как их услуги оплачивались [12].

В период Русско-японской войны стали заботиться и о психологической реабилитации участников войны. Исполнительная комиссия Главного управления Красного Креста просила Симбирскую губернскую земскую управу сообщить, сможет ли оно принять такого рода больных на излечение, обещая оплатить их лечение [13]. В итоге Симбирская психиатрическая больница предоставила 10 мест: 3 – для офицеров, 7 – для нижних чинов.

Для привлечения денежных средств исполнительная комиссия Главного управления Красного Креста обратилась с воззванием ко всем организациям и сословиям России, в котором содержался призыв участвовать в оказании помощи раненым и больным воинам. В воззвании сообщалось также и о том, что уже имеется для оказания помощи и что еще надо: "Сформированных уже лазаретов, на первое по крайней мере время, вполне достаточно... Поэтому, если какое-либо земство или город желают иметь лазарет своего имени, то правильнее взять на свое содержание один из готовых уже лазаретов Красного Креста, дать ему свое имя и назначить своего заведующего хозяйством... Наконец, в распоряжении Исполнительной Комиссии уже имеется свыше 600 сестер милосердия для военных госпиталей, а также заранее приглашено значительное число врачей для пополнения кадров врачебного персонала, на случай убыли такового или необходимости увеличить комплект врачей на театре войны..." [14].

Однако, подобные воззвания были по большей части безответны. Весной 1904 г. в провинции стали возникать слухи о том, что все средства Красного Креста разворовали великие князья. Особенно едко их муссировали в агитационных листовках: "Идут упорные сообщения из Петербурга, что около половины капитала Красного Креста, то есть несколько миллионов, замещено векселями великих князей и высокопоставленных персон. Даже та цель, которой служит Красный Крест – помощь во время войны и других внезапных бедствий, не послужила препятствием к грабежу" [15]. Подобные слухи лишали Красный Крест орео-

ла борцов за правое дело, и он стал испытывать острую нехватку средств.

Казанское отделение Российского общества Красного Креста сложившуюся ситуацию оценило следующим образом: "Средства Красного Креста постепенно тают, благодаря отсутствию притока пожертвований, что объясняется недоверием общества к постановке дела в этом казенном учреждении" [16]. Например, Саратовская городская дума постановила "изменить назначение 10 000 ассигнованных 11 февраля 1904 г. Думой местному управлению Красного Креста и употребить эти деньги на постройку барака для раненых при городской больнице [17].

В результате, многие уездные комитеты Красного Креста не располагали для оказания помощи губернским комитетам по эвакуации и размещению больных и раненых воинов. Для улучшения ситуации Святейший синод разрешил членам Российского общества Красного Креста "проводить за воскресными богослужениями каждую неделю на все время войны с Японией, особый сбор пожертвований по всем церквам Российской империи в пользу раненых и больных воинов" [18], фотографировать "внутренности церквей и монастырей, а также отдельные предметы, хранящиеся в храмах и ризницах для предполагаемого художественного издания в пользу больных и раненых воинов на Дальнем Востоке" [19].

21 января 1905 г. в Казанской губернии приняли решение повысить до окончания войны сбор заграничных паспортов в пользу Российского общества Красного Креста до 10 рублей в полугодие; дополнительно взимать в пользу его сбор в размере по 5 рублей в полугодие за паспорт с иностранцев, выезжающих за границу по выдаваемым им в России паспортам [20]. Для перераспределения потока денежных средств в пользу больных и раненых воинов циркуляром Министерства внутренних дел от 17 марта 1904 г. определялся порядок приема и направления пожертвований. В нем особо указывалось, что "суммы, поступающие на больных и раненых и устройство госпиталей и лазаретов, без указаний, в чье ведение они жертвуются, должны быть направляемы в распоряжение общества Красного Креста" [21].

Несмотря на принятые меры, общественные организации стали создавать свои отряды

по оказанию помощи больным и раненым войнам, не доверяя Красному Кресту. Казанское губернское по земским и городским делам присутствие в 1905 г. ассигновало 50 000 рублей на организацию медико-санитарного отряда по оказанию помощи больным и раненым войнам на театре военных действий [22]. Казанское губернское дворянское собрание ежемесячно ассигновало 1 870 рублей в Комитет соединенной общедворянской помощи на содержание санитарного отряда. Для возмещения этих расходов ввели сбор обложения имущества потомственных дворян [23].

В г. Вольске Саратовской губернии был создан местный комитет Воинского благотворительного общества Белого Креста, состоявшем под августейшим покровительством Его императорского высочества государя наследника и великого князя Михаила Александровича [24].

Особенно активно врачебно-санитарные отряды создавали земства. Для продуктивности их работы была создана общеземская организация во главе Д.Н.Шиповым. Вошедшие земства жертвовали в нее значительные суммы. Так, 6 ноября 1904 г. они ассигновали 553 000 рублей [25]. Кроме того, 14 земств сформировали 21 санитарно-врачебный отряд, которые в течение мая 1904 г. выехали в Манчжурию [26].

Возвратившийся с театра военных действий главноуполномоченный общеземской организации князь Г.Е.Львов сообщил, что "для дальнейшей работы нужны, прежде всего, денежные средства, и увеличение числа отрядов является также далеко не лишним". Он также считал необходимым образование резервного персонала для замены выбывающих из отрядов лиц, вследствие болезни или утомления [27].

Для пополнения медицинского персонала с 15 февраля 1904 г. были открыты шестинедельные курсы. Однако, с Дальнего Востока приходили просьбы, "чтобы в случае командирования окончивших эти курсы, таковые избирались с возможно большей осмотрительностью, причем является крайне желательным, чтобы предварительно командировки, они проходили практические курсы ухода за больными в течение, по крайней мере, одного месяца" [28]. Для эвакуации раненых воинов с Дальнего Востока возникла необходимость оборудовать на станциях по всей линии эвакуации дополнительные перевязочные пункты. Такие меры

объясняются тем, что делать перевязки в товарных вагонах практически было невозможно из-за отсутствия проходов, тесноты в помещениях, нехватки медицинского персонала, сопровождавшего поезд. Поэтому всем подведомственным земствам врачам было предложено "принять на себя труд по оказанию помощи больным и раненым войнам при остановках санитарных транспортов в их участках, в случае надобности" [29].

В связи с отдаленностью Дальневосточного театра военных действий, необходимой явилась организация сортировочно-перегрузочных складов. Центральный для Казанского военного округа сортировочный пункт располагался в Самаре [30]. В него пересылались вещи, пожертвованные со всего округа. Например, священник с. Ахмылова прислал вещи, "пожертвованные крестьянами... с. Ахмылова и д. Рутки, а именно 56 пар носков, 27 пар рукавиц (варежек), 10 пар перчаток, 11 кисетов с табаком и конфетами, 3 рубашки, 3 мотка ниток, 1 платок и 1 меховая куртка" [31].

Помимо комитетов, собирающих вещи для раненых, создавались организации по сбору вещей для нижних чинов действующей армии. Например, в Самаре под председательством вице-губернатора Н.Г.Кондоиди был учрежден специальный Комитет, который принимал пожертвования различными вещами и снабжал проходящие на Дальний Восток войска теплой одеждой, продовольствием и другими необходимыми для солдат предметами [32]. Крестьяне делали добровольные и безвозмездные поставки лошадей для нужд армии [33].

Население провинции помогало и русскому морскому флоту. На местах были созданы местные отделения Особого комитета для сбора пожертвований на усиление русского флота. Председатель Комитета разрешил правительственным, общественным и сословным организациям, торговым и промысловым учреждениям, редакциям повременных изданий и крестьянам производить сбор добровольных пожертвований на усиление флота [34]. В основе деятельности Комитета был принцип добровольности пожертвований. Для достижения этого ввели книжки учета пожертвований и проводились проверки лиц, ведущих книжки [35]. Этот комитет являлся одним из самых популярных среди населения провинциальной России. Пожертвования в него перечисляли

представители всех сословий. Практически все губернские и уездные городские думы, губернские и уездные земства, дворяне выделяли деньги на усиление русского флота, и даже крестьяне на волостных сходах решали пожертвовать по 200 – 500 руб. Большие суммы жертвовали купцы. Например, в Самаре Л.С.Аржанов и А.Н.Шихобалов пожертвовали по 5000 рублей, И.Г.Курлин – 2000 руб., А.И.Петров – 500 руб. В Комитет присылали не только денежные пожертвования, но и ценные вещи [36].

В память о подвиге моряков с крейсера "Варяг" с разрешения министра Императорского двора, при канцелярии Министерства открыли сбор пожертвований в память мичмана графа Алексея Нирода, убитого в бою под Чемульпо, для раздачи пособий семьям погибших с ним на крейсере "Варяг" нижних чинов [37]. Одновременно с открытием сбора пожертвований был запрошен Главный морской штаб о нижних чинах, погибших на "Варяге", с целью получения их именных списков. Исходя из этих списков составили вопросные листки для выяснения оставшихся после погибших нижних чинов семейств и их имущественного положения. Вопросные листки отправили губернаторам, которые содействовали собранию сведений, и обещали в случае назначения пособий, доставить таковые по принадлежности [38].

В Самарской губернии из них выплатили средства жене квартирмейстера Ивана Павловича Костина, убитого на крейсере "Варяг", Матроне Михайловне в размере 49 руб. 75 коп. [39] и отцу Гавриила Тихоновича Миронова [40]. Ко дню праздника Рождества Христова Комитет по распределению поступающих пожертвований в пользу семейств нижних чинов, погибших на Дальнем Востоке, уделил вдове Костиной на трех детей по 5 руб. [41]. К годовщине боя "Варяга" 26 января 1905 г. выплатил единовременное пособие: 275 руб. – вдове квартирмейстера Ивана Костина Матроне с 3 детьми; по 200 руб. – вдовам с детьми матросов Михаила Авременко, Дмитрия Артасова, Ефима Грибова, Михаила Кабанева, писаря Василия Оськина и марсового Федора Хохлова; по 80 руб. – вдове матроса Романа Балабанова, отцам матросов Матвея Дерябина, Михаила Журавлева, Ильи Ковалева, Гавриила Миронова, комендора Петра Мухачева, матерям матросов Карла Спрога, Андрея Трофимова, Федора Эдревица, марсового Архипа Шавлева и вдове

брата с тремя детьми матроса Дмитрия Шаропова; по 40 руб. – отцам комендоров Григория Буркуна, Степана Капралова, минного содержания Василия Мальцева, барабанщика Доната Карнеева, матерям матросов Климентия Кузнецова, Игната Родионова, комендора Мартиана Островского [42].

В провинции заботились и о семействах погибших воинов. Пособия выделяли общества, к которым они были приписаны [43]. Однако многие адресаты, проживая вдали от городов, затруднялись получать присланные им деньги, а иногда и отказывались от них, потому что путевые издержки, превышали само пособие [44].

Во многих провинциальных обществах денег в кассах не хватало, и они прибегали к займам. Так, Симбирская губернская земская управа нуждалась в займе на 600 000 руб. на выплату пособий [45]. В Пензенской губернии с выплатой пособий было особенно плохо. В канцелярию губернатора приходило множество жалоб о невыплаченных пособиях [46].

После издания Высочайшего манифеста от 11 августа 1904 г. об обеспечении судьбы детей погибших в войну с Японией, был создан Алексеевский главный комитет. Организация на местах была поручена разным учреждениям, в зависимости от принадлежности отцов детей к офицерскому званию или к разряду нижних чинов. Дети нижних чинов вверялись земским и городским учреждениям [47]. Деньги на его содержание выделялись в течение 15 лет [48].

Подводя итоги, можно заключить, что все созданные организации оказывали значительную помощь. Русско-японская война сравнительно благоприятна в санитарном отношении. Во время войны, длившейся 1,5 года, количество умерших от болезней вдвое меньше умерших от неприятельского оружия [49]. Несмотря на подозрительное отношение провинциального общества к Российскому обществу Красного Креста вся необходимая медицинская помощь раненым и больным воинам оказывалась в полном объеме силами местных общественных организаций. Прочие же комитеты также выполняли свои обязательства, собирая и перечисляя средства для нужд армии и флота и выдачи пособий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГАСамО). Ф.170. Оп.1. Д.170. Л.45.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.3. Оп.1. Д.4311. Л.8об.
3. ЦГАСамО. Ф.5. Оп.12. Д.230. Л.1об.
4. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф.419. Оп.1. Д.375. Л.73.
5. ГАСО. Ф.25. Оп.1. Д.1823. Л.17.
6. НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.748. Л.4.
7. Там же. Л.23.
8. Там же. Л.18.
9. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.47. Оп.1. Д.8. Л.1.
10. ГАУО. Ф.137. Оп.34. Д.129. Л.6.
11. Там же. Л.7.
12. ГАУО. Ф. 46. Оп.14. Д.16. Л.19.
13. Там же. Л.12.
14. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.226. Л.2.
15. НА РТ. Ф. 51. Оп.8. Д.406. Л.1.
16. НА РТ. Ф.419. Оп.1. Д.395. Л.3.
17. ГАСО. Ф.3. Оп.1. Д.4311. Л.10об.
18. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.226. Л.60; ГАУО. Ф.47. Оп.1. Д.8. Л.10.
19. ГАУО. Ф.134. Оп.1. Д.18. Л.73.
20. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.333. Л.4.
21. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.226. Л.1.
22. НА РТ. Ф.419. Оп.1. Д.395. Л.2.
23. НА РТ. Ф.350. Оп.2. Д.314. Л.6.
24. ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.6580. Л.1.
25. ЦГАСамО. Ф.5. Оп.12. Д.234. Л.441об.
26. Там же. Л.438об.
27. НА РТ. Ф.81. Оп.2. Д.669. Л.2.
28. ГАУО. Ф.47. Оп.1. Д.8. Л.14.
29. НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.333. Л.50.
30. ГАУО. Ф.47. Оп.1. Д.8. Л.144.
31. НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.760. Л.16.
32. ЦГАСамО. Ф.3. Оп.51. Д.7. Л.1; Ф.153. Оп.36. Д.1088. Л.31.
33. ЦГАСамО. Ф.677. Оп.1. Д.144. Л.14.
34. НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.748. Л.1.
35. НА РТ. Ф.1. Оп.5. Д.749. Л.3; ГАУО. Ф.88. Оп.5. Д.325. Л.1.
36. ЦГАСамО. Ф.3. Оп.121. Д.26. Л.1 – 112.
37. ГАСО. Ф.2. Оп.1. Д.8940. Л.1.
38. Там же. Л.2.
39. ЦГАСамО. Ф.3. Оп. 51. Д.8. Л.3.
40. Там же. Л.4.
41. Там же. Л.42.
42. ГАСО. Ф.2. Оп.1. Д.8940. Л.6.
43. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.196. Оп.1. Д.2648. Л.77; ГАУО. Ф.137. Оп.34. Д.129. Л.11; НА РТ. Ф.419. Оп.1. Д.395. Л.80; Ф.1. Оп.4. Д.1842. Л.4; ЦГАСамО. Ф.5. Оп.12. Д.233. Л.6.
44. НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.11434. Л.12.
45. ГАУО. Ф.137. Оп.34. Д.129. Л.268; Ф.46. Оп.2. Д.269. Л.4.
46. ГАПО. Ф.63. Оп.1. Д.189. Л.85; Д.218. Л.3.
47. ГАУО. Ф.137. Оп.34. Д.129. Л.322; ЦГАСамО. Ф.182. Оп.1. Д.2. Л.1; ГАПО. Ф.11. Оп.1. Д.849. Л.1.
48. ЦГАСамО. Ф.153. Оп.36. Д.1139. Л.9.
49. Урланис Б.Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII – XX вв. (историко-статистическое исследование). – СПб.: 1994. – С.284.

ACTIVITIES OF PROVINCIAL PUBLIC ORGANIZATIONS DURING THE RUSSO-JAPANESE WAR OF 1904 – 1905

© 2008 E.V.Stepochkina

Samara State University of Economics

The article covers activities of provincial public organizations during the Russo-Japanese War; their help to the sick and the wounded, participation in fundraising for needs of the Army and the Navy.